

Бай Юй спокойно скинул лежащую на плече руку вместе с накинутым пиджаком и обернулся.

Лунный свет, переплетаясь с ослепительным сиянием люстр в зале, ложился на холодно-белую, словно изо льда, щеку омеги, вычерчивая плавную, изящную линию профиля.

— Ты ошибаешься.

Расстояние было слишком маленьким. От одежды омеги тянулся едва уловимый аромат дикой орхидеи — не густой, не приторный, но проникающий в самую глубину сознания. Лёгкий, прозрачный, он манил сильнее любой насыщенной сладости — словно дрожащий огонёк свечи: невыносимо хотелось приблизиться, невозможно было удержаться от желания завладеть им.

Тан Сюй смотрел на него, и мысли против воли ускользнули в сторону:

— М?

— Я не люблю альф, — ровно произнёс Бай Юй.

Неважно, альфа он, бета или омега — он ненавидел этих самодовольных, высокомерных альф.

Запах феромонов альфы, сплетённый с ароматом орхидеи, накрыл пространство, как холодный вихрь. Даже в отсутствие самого альфы он плотным, жестким коконом обволакивал своего омегу, предупреждая любого хищника, осмелившегося приблизиться.

Тан Сюй с отвращением нахмурился, прокрутил в голове его слова и вдруг усмехнулся, с намёком спросив:

— А это тогда что?

Он откинул пряди волос с затылка Бай Юя. Белоснежная, тонкая шея — и на ней глубокий след укуса альфы. Временная метка вовсе не требовала такой силы. Но Тан Сюй, сам будучи альфой, прекрасно понимал, сколько в этом укусе было жадного, звериного желания обладать.

Такой красивый омега... должен принадлежать мне.

Он тихо цокнул языком и протянул пальцы, желая стереть этот знак, вызывающий в нём глухое раздражение.

Бай Юй не отстранился. Всё так же, слегка наклонив голову, он холодно взглянул на него:

— Если ты пришёл только ради этого разговора, то напрасно.

Пальцы Тан Сюя замерли. Он убрал руку, вновь надевая маску безупречного джентльмена:

— Чего ты так насторожен? У нас же раньше были хорошие отношения. Я просто увидел, что ты чем-то обеспокоен, и хотел быть полезным.

Он чуть наклонился, заглядывая Бай Юю в глаза:

— В конце концов, для альфы — это непозволительная халатность: доводить омегу до такой печали.

Бай Юй слегка прищурился, долго смотрел ему в глаза — и вдруг медленно, почти лениво, изогнул губы в легкой улыбке.

Когда Фу Юй нашёл его, Бай Юй расположился полулежа на качелях, закрыв глаза.

История повторилась: на плечи снова легла чужая куртка.

Как же это бесит.

Альфы вообще умеют что-то ещё, кроме этих заезженных приёмов?

Омега раздражённо отвернул голову, даже не удосужившись открыть глаза.

Фу Юй ничего не заметил, обошёл его, опустился перед ним на одно колено, наклонился и тихо вдохнул воздух рядом с ним — и тут же помрачнел:

— Тут кто-то был?

Бай Юй не открывал глаз. Его мягко алые губы едва шевельнулись:

— Вы, альфы, так любите говорить глупости.

Фу Юй не рассердился. Он аккуратно поправил на нём куртку, укутывая его, и мягко, почти сладко спросил:

— И о чём вы говорили?

Бай Юй слишком хорошо знал этот тон. Обычно, когда Фу Юй говорил так, перед ним уже кто-то стоял на коленях — полуживой, сломленный.

Его это не пугало. У Фу Юя были методы и похуже — такие, которые Бай Юй не мог принять ни при каких условиях.

Он медленно открыл глаза, насмешливо опустил взгляд и посмотрел на Фу Юя сверху вниз:

— Раз ты привёл меня к нему, значит, ты до этого всё проверил. Мы действительно с ним знакомы. Только что он признался мне в чувствах. Доволен?

После нескольких временных меток их феромоны переплелись уже слишком тесно. Бай Юй без труда чувствовал по утечке запаха Фу Юя — тот был недоволен.

У альф, похоже, у всех проблемы с головой.

— Ты ведь хотел отдать меня ему, — продолжил Бай Юй спокойно. — Похоже, ваша сделка пройдёт очень удачно.

Фу Юй долго смотрел на его чистое, почти фарфоровое лицо, потом тяжело вздохнул:

— Я же сказал, что это была шутка... А ты на меня обижаешься.

— Шутка? — холодно отозвался Бай Юя. — Шуткой это когда смешно обоим.

Он замолчал, пристально смотрел на лицо Фу Юя несколько секунд, а потом вдруг спросил:

— Ты правда ненавидишь всех в этом доме?

Фу Юй слегка растерялся.

— Почему тогда ты в своё время пощадил меня? — ровно продолжил Бай Юй. — Пусть в детстве я пару раз и помогал тебе, но ты ведь типичный неблагодарный волк. Понятия «отплатить добром за добро» ты явно не знаешь.

Это был запретный вопрос.

По крайней мере, на поверхности всё выглядело иначе: депутат Бай относился к Фу Юю более чем благосклонно — забрал его с окраинной звёздной системы на Центральную планету, дал ему уровень жизни, о котором тот никогда бы и не мечтал, обеспечил аристократический статус, поддержал его карьеру в военном ведомстве.

А Фу Юй, вернувшись с фронта, первым же делом собственноручно отправил приёмного отца — одного из участников мятежа — в тюрьму смертников, уничтожил ключевых членов семьи Бай и открыто занял всё, что им принадлежало.

История была грязной и тёмной.

Но никто не смел говорить об этом в его присутствии.

Фу Юй тихо повторил несколько раз:

— Почему... почему...

А потом вдруг ослепительно улыбнулся:

— Потому что они все были мразями.

Бай Юй приподнял бровь. Во взгляде ясно читалось: «Ты — не лучше».

Фу Юй вовсе не почувствовал себя оскорблённым, наоборот — с удовольствием кивнул:

— Конечно. Я тоже. Поэтому я и выиграл.

Его абсолютная откровенность лишила Бай Юя слов. Он приоткрыл губы, словно собираясь что-то сказать, но тут же плотно сжал их, отвернулся — и взгляд его невольно наткнулся на Тан Сюя неподалёку.

Их взгляды встретились.

В следующую же секунду его подбородок был сжат пальцами, а голову насильно развернули.

Мир на миг потонул во тьме — и тёплые, мягкие губы накрыли его губы. В поцелуе, полном демонстративной близости, Фу Юй тихо усмехнулся:

— Не смотри на него. Я буду ревновать.

Бай Юй нахмурился, изо всех сил пытаясь оттолкнуть его, но поцелуй стал лишь глубже. Он смог выдохнуть только обрывки слов:

— Пошёл... прочь... отстань...

Фу Юй, разумеется, никуда не пошёл.

Он крепко прижал худое тело омеги к себе и тихо, почти хрипло прошептал:

— Брат.

На этот раз он действительно сожалел.

Когда с террасы он увидел, как Тан Сюй приближается к Бай Юю, и осознал, что другой альфа испытывает к нему собственническое желание... особенно то, что Бай Юй ответил на это — в нём проснулось почти животное желание убивать.

Когда Бай Юя наконец отпустили, Тан Сюя уже не было.

Банкет продолжался. Музыка и танцы доносились из зала, отчётливо отделённые от сада, словно между ними лежала граница двух разных миров.

Фу Юй с лёгкой тенью самодовольной победы во взгляде наклонился, стёр влагу с губ Бай Юя и улыбнулся:

— Пойдём домой.

<http://bllate.org/book/14965/1411581>